

POLONIA KAUKASKA

Выпуск 2 (7)

Лето 1997

ЕЖЕКВАРТАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СОЮЗА ПОЛЯКОВ НА КМВ

♦♦♦

22 июня - день памяти не только для тех, кто пал в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, это также день памяти погибших во всех войнах и репрессиях нынешнего века, так жестоко обошедшего с нашей страной. Нынешний номер мы посвящаем памяти тех, кто погиб в один из жесточайших периодов этой необъявленной войны, которую вел правящий режим против собственного народа - в 30-е годы. Ниже мы приводим список поляков, живших в то время в Пятигорске и, как принято сейчас говорить, необоснованно репрессированных. Все они честно и добросовестно трудились на благо своей родины - Союза ССР.

"О, тиран-отшельник! Ночной бвзумец! В каком бреду ты все это выдумал!"

И куда спешил ты, проклятый? Что жгло тебя и кололо? Ведь... могли остаться жить. Ну, эсперантисты тебе в горле стояли - в крестьянских ребятах сколько б тебе наработали! Сколько б раз ты вце в атаку их поднял - за Родину, за Сталина!"

А. И. Солженицын
"Архипелаг ГУЛАГ"
Том 2, глава 3

Поляки-жертвы политических репрессий гор. Пятигорска

- Агорианид Анна Родионовна
- Василевский Петр Климентьевич
- Вишневская Мария Иосифовна
- Добровольский Антон Кулриянович
- Залевский Болеслав Францевич
- Камилский Николай Михайлович
- Коцак Франц Петрович
- Лисовский Михаил Иванович
- Малышак Павел Павлович

- Мотак Казимир Павлович
- Новицкая Екатерина Михайловна
- Островский Валерьян Александрович
- Павловский Казимир Павлович
- Соколова Нина Константиновна
- Соус Иосиф Андреевич
- Чайковский Ипполит Витальевич
- Чижевский Афольт Людвигович
- Ясинский Михаил Дионисович
- Яхмювич Иван Антонович

♦♦♦

Враг народа Казимир Мотак

Записка сына репрессированного о трагической судьбе отца

Отец мой, Казимир Павлович Мотак, родился в октябре 1888 г. в Варшаве. В 1914 году был призван в царскую (русскую) армию. До дня испил горькую чашу как первой мировой, так и гражданской войн. В 1919-м судьба забросила его на Северный Кавказ, в Пятигорск. Здесь он, военфельдшер, оказывал помощь раненым бойцам и командирам РККА, а также больным тифом, который в то время свирепствовал по всей России. Постоянно находясь среди больных, сам подхватил брюшной тиф.

Одиноким поляком, брошенным вихрем войны на чужбину, он нашел искреннюю заботу и внимание у русской девушки Марии Семичевой, работавшей в госпитале сестрой милосердия. Долгие дни и ночи проводила она каждую свободную минуту, отчаянно борясь за жизнь больного. Он выздоровел. Вскоре Казимир и Мария обвенчались в местной церкви, став мужем и женой. В феврале 1922 у них родился первенец - сын Генрик, а четыре года спустя - второй сын - Эдуард (Эдуард), автор этих строк. Переписка в то время была практически невозможна, и отец не мог сообщить родным в Польшу о своей судьбе. Как, впрочем, и получить от них весточку. Моя детская память сохранила его тоску по Родине, мечту о возвращении вместе с семьей в Варшаву...

Но жизнь шла своим чередом. В 20-х годах отец работал в пятигорском доме инвалидов, а затем, вплоть до 1938 года -

запелующим медпунктом городской электростанции.

Каким он был? Для большинства сыновей нет плохих отзывов. Но не только родственные чувства говорят во мне. Казимир Мотак действительно был внимательным мужем и добрым отцом, а как медик - отзывчивым к людям. Например, нередко по ночам, в любую погоду в окна нашего дома стучали застигнутые несчастьем люди. И отец без лишних слов брал свой потертый саквояж и спешил на помощь к больному. Насколько я знаю, он не только ничего не брал за такие визиты, но и оставлял нуждающимся семьям деньги на лекарство, о чем, смущаясь, признавался матери. На это она только утрадкой вздыхала: ниткой зарплаты отца хватало лишь на то, чтобы едва сводить концы с концами...

22 июня 1938 года (как раз в день рождения мамы), к нам явились сотрудники НКВД. Делая обыск в квартире, они перевернули вверх дном весь наш неприхотливый скарб. И, не найдя ничего недозволенного, все же арестовали отца.

Начались невыносимые для семьи "врага народа" дни. Обливаясь слезами, мама продавала какие-то свои вещи и на вырученные деньги нанимала адвокатов, умоляя вернуть мужа, а детям - отца. Увы, эти ее усилия, как и бесконечные запросы о местонахождении и судьбе отца, не имели успеха.

Наконец года через два после его ареста, в 1940 году, пришло извещение о том, что Мотак Казимир Павлович осужден по ст. 58 п. 1а и выслан на 10 лет без права переписки.

Прошло 12 лет, но отец не возвращался. И вновь мы начали писать в прокуратуру и органы НКВД с просьбой сообщить о его судьбе. Вскоре из прокуратуры по спец. делам пришел ответ. В нем сообщалось, что Мотак Казимир Павлович, находясь в лагере, якобы умер 24. 12. 1942 г. от воспаления легких. В 1956 году, когда наступила хрущевская "оттепель", дело отца пересмотрел Военный Трибунал Северо-Кавказского военного округа. И он, из-за отсутствия состава преступления был посмертно реабилитирован.

Едва начавшийся в 50-х годах процесс демократизации быстро шел на убыль. Наша семья не верила в естественную смерть отца, но и помышлять о знакомстве с "делом" даже реабилитированного политзаключенного не приходилось. Ибо тяжелые двери архивов КГБ оставались закрытыми. Минуты десятилетия прежде чем и сюда, наконец, пришла гласность.

В марте 1991 года я обратился с письмом в Управление КГБ Ставропольского края с просьбой сообщить, в чем же все-таки обвинили моего отца, какой приговор ему был вынесен, когда его лишили жизни и где похоронен его прах.

В полученном ответе говорится буквально следующее:

"Мотак Казимир Павлович, 1888 г. рождения, поляк, как участник Польской войсковой организации, завербованный для шпионской деятельности в пользу Польши в 1919 году и проводивший шпионскую деятельность и фашистскую агитацию, постановлением "тройки" (куда входили

начальник НКВД, прокурор и первый секретарь крайкома ВКП(б) - Э. М.) был приговорен 10. 10. 1938 года к высшей мере наказания, 22. 10. 1938 г. расстрелян в г. Ворошиловске (ныне г. Ставрополь). Место захоронения неизвестно.

Месяц спустя я вновь обратился в Управление КГБ. На этот раз попросил ознакомить меня с материалами "дела" отца.

И вот передо мной протоколы допросов...

ИЗ ПРОТОКОЛА №1
(27. 07. 1938 г.)

Вопрос: Кто ваши родственники и где они?

Ответ: Все мои родственники проживают в Варшаве: отец, мать, брат Болеслав, сестры Янина и Александра, двоюродные братья Юзеф и Евстафий Фирлей.

Вопрос: Имели ли вы связь с заграницей?

Ответ: В 1922 году дал выезжающему поляку письмо. Ответа не получил.

Необходимое примечание:

На первой странице стоит подлинная подпись отца. Все остальные грубо подделаны следователем. Это было отмечено при пересмотре дела. Отец не подписывал ни одного протокола допроса.

Вопрос: Признаете ли себя виновным в шпионской деятельности?

Ответ: Да, признаю (подпись подделана - Э. М.)

Допросил следователь: сержант госбезопасности Сикстиков

ИЗ ПРОТОКОЛА №2
(31. 07. 1938 г.)

Вопрос: Признаетесь ли в том, что, присутствуя на квартире директора Пятигорской электростанции Токача Георгия Францевича, вели контрреволюционные разговоры, клеветали на руководителей партии и правительства?

Ответ: Да, признаю. Восхилялся Гитлером и его политикой. Говорили о неправильной политике в колхозах. Я сам высказывал клеветнические измышления.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что вам известна польская фашистская организация ПОВ (Польская Организация Войскова). Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, но участия в ней не принимал.

Вопрос: Вы были завербованы Мацеевским для шпионской работы по спонсированию польской разведки?

Ответ: Да, потому что не выехал в Польшу. Остался для ведения шпионской работы. (Интересно, какие "государственные секреты" мог выдать мой отец на электростанции? - Э. М.)

(Подпись обвиняемого подделана)

Допросил начальник 3-го отдела

ИЗ ПРОТОКОЛА №3

(20.08.1938 г.)

Вопрос: Знаете ли вы, что резидент польской разведки Ярославский завербовал Мацневского?

Ответ: Да, знаю.

Вопрос: Передала ли вам молодая женщина секретный пакет для передачи Ярославскому?

Ответ: Да, я передал его Ярославскому.

(Подпись обвиняемого подделана — Э. М.)

Допросил:

младший лейтенант Святков

Есть в деле отца и датированные 1938 годом показания "свидетеля", некоего С. Егива. Чего, например, стоят его утверждения, что К. П. Мотак "лупал больных, приходивших в медпункт, здоровых... Занимался тем, что шло во вред рабочим".

Показания нелепые, сбивчивые, словно написанные человеком под диктовку. Почти так и оказалось. 18 лет спустя, в 1956 году, когда пересматривалось дело отца, тот же С. Егив признался, что предыдущие его показания — грубая фальсификация.

— Меня вызвали в НКВД, — свидетельствует он, — и дали подписать протокол, не разрешив прочитать то, что там было написано. В комнате находились три работника НКВД. Мне приказали: "Подписывай". Я подписал...

В деле мной обнаружено и единственное заявление, написанное рукой отца. В первой его части ровным почерком он сообщает о том, что никакой шпионской деятельности, ни по чьему заданию не проводил.

Видно, прочтя написанное отцом, записный дел мастера подвергли его изверским изысканиям, заставив избитого до полусмерти человека писать далее под их диктовку: во второй половине заявления буквы кривые, строчки неровные. Косые.

Под этим заявлением нет подписей ни отца, ни следователя.

Почти уверен, что, закончив под диктовку "послание", отец все же отказался его подписывать. Под варварскими пытками он скончался. Поэтому, видимо, и отпала необходимость вновь подделывать подпись строптивого "врага народа".

В материалах дела нет акта о расстреле. Это дает мне повод предполагать, что отца постигла смерть под пытками, смерть мученика.

Прошло много лет. Так и не дождавшись своего мужа, умерла мама. На кладбище, рядом с ее могилкой, поставлен памятник его символического захоронения. Всякий раз, побывав "в гостях" у своих родителей, уношу в сыновье сердце печаль.

Пусть эти строки будут горькой данью памяти моего отца и других невинных жертв сталинских репрессий. Мир их праху... И вечно проклятье палачам.

Эдуард Мотак

Перепечатывается с незначительными сокращениями из приложения к газете "Кавказская Здравница" "Кавказ" №1 за 1992 год.

♦♦♦

Дзюкл врага народа

Сталем пры старым, давно зeschтым, пniu, który rósł kiedyś u źródła, jako okazałe drzewo i duchowy ból, dawał mi w pierś. Chciało się płakać, chociaż nie chciałem pozwolić

POLONIA KAUKASKA

łzom wylewać się, jednak one same ciekły zdradziecko z oczów i cienkimi, małymi strużkami, ściekały po policzkom.

— O, jak dawno to było. Jak szybko, ten czas leci? — pomyślałem i cicho spuściłem się na ziemię.

Ręce same powiodły do starego pnia, z którego niewiele co zostało i zaczęły go gładzić.

— Co to, było za drzewo? — Zaczęłem wspominać. — Wzda się, że to wierzbą płaczącą lub jak myśmy wtedy nazywali, po prostu — wierzbą. Tak, to była wierzbą. Ona, delikatnie pochylała się nad źródłem i w gorące dni, odrzucała cień na wodę. Źródło, było nie bardzo głębokie, ale woda w nim była czysta i przeźroczysta. Woda ze źródła, wyciekała małymi strużkami i pieszcząc korzenie drzewa, poilała je... W ten sposób, zachowywali jeden drugiego.

No, potem... — a co, zdarzyło się potem? Dlaczego wyrabiali drzewo i dlaczego wyszło źródło? Al! Rozumie. Wokół źródła rósł wielki, przepyszny ogród. Pod jego drzewami panował nieprzerwanie cień i przez to, ziemia tam była wilgotna i ta wilgoć karmiła źródło, a ono, w swojej kolejności, poilo korzenie drzew, a drzewo swoim cieniem, zachowywało źródło. I krąg zamknęty.

Jaka surowa i precyzyjnie jest przemysłana, struktura przyrody.

Teraz ogrodu nie ma. Stare drzewa zrabali, a nowych nie posadzili. Od tego, wyschła ziemia i wischło źródło. Wierzbą, nie przeżyła samotności i także zeschła.

Patrzyłem na suchy pień, mokrymi oczami i myślami same wspominały, dalekie dzieciństwo.

Oto ja, biegam z chłopcami na mokrej trawie, po deszczu — weseli, beztroscy. Nogi mokre i zaczerwienione, od chłodnej rosy i jakieś to orzeźwiające ciepło, roznosi się po całym ciele. Chce się żyć. Ale, oto coś smutnego poruszyło myślą, a w uszach rozległ się dźwięk. Zatrzymałem się. Cicho, powoli, przepływały wspomnienia. Serce obniżyło temperaturę.

My chłopcy, ciągniemy stary, złamany pług, żeby sprzedać go, w punkcie skupu surowców wtórnych. On był bardzo ciężki i niewygodny do niesienia, a my ze wszystkich sił, wlekliśmy go po ziemi, oblewając się potem.

Dużo nam za niego, nie dali pieniędzy. My, kupiliśmy paczkę papierosów i pudełko zapalek. Następnie zrobiliśmy równy podział i udaliśmy się do domów.

Był czerwiec 1938 roku. Ja, po swojemu szczęśliwy, ze swoją częścią papierosów, chodziłem wokół domu, niczego nie podejrzewając. Do dzisiaj, nie mogę sobie podarować, że mnie nie było w domu, kiedy zdarzyło się wielkie nieszczęście.

Zaszedłem w swoje podwórce (żyliśmy na wsi) i żeby nie wpaść z powodu papierosów, schowałem je w kukurydzy. W tym czasie, z naszego domu zaczęli wychodzić jacyś nieznajomi ludzie. Za nimi szedł, opuściwszy głowę, mój ojciec. Do samej śmierci nie zapomniałem, jego przystawionej oblicza, które zapisało się w tym momencie: zrażenia losu. Za ojcem szedł dzielnicowy milicjant. Ostatnia wyszła mama, z braciżkiem na rękach i z zapłakanyimi oczami. Ojca posadzili na furmankę, zaprzężoną w parę koni. Po jego bokach siedli nieznajomi ludzie i... wywieźli ojca.

Wtedy, nie podejrzewałem, że nigdzie więcej go nie zobaczę.

— Boże! Co się stało? Kto i gdzie, go wywieźli? — poszeptały moje wargi i pobiegłem do domu. Tam, siedzieli moi dwaj bracia, z zapłakanyimi oczami.

— Co się stało? — zapytałem drżącym głosem.

— Ojca... Stefan, nie dokończył mówić, gdyż łzy zalały mu oczy i nie mógł więcej, niczego powiedzieć.

— Ojca aresztowali! — prawie krzykiem, powiedział młodszy brat Władek i bardzo gorzko, w głos zapłakał.

Stalem, nie znając co robić. Nogi, zrobiły się jak z waty, a moje ciało — upadło na podłogę. Nie chciało się w to wierzyć. Wiele bym oddał, żeby to okazało się tylko snem. Ale niestety! To nie był sen. Cała nasza rodzina, z tej chwili stała się wrogiem narodu. I same najbardziej straszne — zostaliśmy bez ojca. W przyszłości, czekały nas jeszcze straszniejsze, czarne dni. Staliśmy się, w jednym momencie biednymi, przez wszystkich pogardzanymi i przez wszystkich prześladowanymi.

Ocknąłem się z tego, aż ociekły mi nogi. Ręce mokre, leżały na starym pniu, a policzki mokre od łez, cicho głaskał wiaterek. Świadkiem, tego strasznego wydarzenia z mego życia, była ta wierzbą, która ukrywała od palącego słońca, jasne źródło z przeźroczystą, dziwnie chłodną, wodą.

Zrabali drzewo i zginęło źródło. Tak, jak zginęło i moje, jasne dzieciństwo, kiedy ścielił karmiący korzeń naszej rodziny — ojca. Od tej pory, myśmy jego i tak nie widzieli więcej. Na pocieszenie, bez przeproszeń, przysłali nam pismo o rehabilitacji. — "Sprawa została zaprestana, z powodu braku cech przestępstwa" (Dzieło prekraszczono za niemieniem zestawu przestępstwa).

Ale pozwólcie państwo, przestępstwo było. A czyż nie jest przestępstwem, zostawić czterdziestoletnią kobietę, z siedmiu synami, z których najmłodszy miał roczek, a najstarszemu było 18 lat i przeznaczyć ich, na śmierć głodową.

Kto, za to, odpowie!!

Leonard Borkowski

+++

Дети врага народа

Я стоял у старого давно засохшего пенника, который в бытность рос роскошным деревом у родника, и душевная боль давила мне грудь. Хотелось плакать. Я не хотел давать волю слезам, они сами текли из глаз и тонкими струйками стекали по щекам.

— Как давно это было и как очень быстро летит время, — подумал я, и тихо опустил на землю.

Руки сами потянулись к старому пеннику, от которого мало что осталось, и стала его гладить.

— Что это было за дерево? Я стал вспоминать. Мне кажется, это была ива или, как мы тогда называли — верба.

Она нежно наклонилась над родником и в жаркие дни отбрасывала тень на воду. Родник был не очень глубокий, но вода в нем была чистая и прозрачная, на голубом дне была видна каждая песчинка. Из родника вода вытекала маленьким ручейком и, лаская корни деревьев, пошла их. Так они сохраняли друг друга.

Но потом... а что было потом? Почему срубили дерево и почему высох родник?

А, понимаю. Тогда давно вокруг родника рос большой роскошный сад, под его деревьями была постоянная тень и от этого земля была влажной, а эта влага питала родник, а он в свою очередь, поил корни деревьев, а дерево своей тенью со-

храняло родник. И круг замкнулся. Какое строгое и четко продуманное построение природы.

Теперь сада нет. Старые деревья срубили, а новых не посадили. От этого высохла земля и от недостатка влаги засох родник. Верба не перенесла одиночества и тоже засохла.

Я смотрел на сухой пенек мокрыми глазами и мысли сами вспоминали далекое детство.

Вот я с пацанами бегаю по мокрой после дождя траве — веселье, беззаботные.

Ноги мокрые и раскрасневшиеся от холодной росы и какое-то жгучее тепло распространяется по всему телу. Хочется жить.

Но вот какое-то грустное воспоминание всколыхнуло мысли, в ушах раздался звон. Тихо, медленно наплывают воспоминания. Сердце похолодело: мѣ, мальчиш, тащим старый поломанный плут сдвигать в утиль. Нашли мы его за селом в траве. Он был очень тяжелый и его неудобно было нести, мы из всех сил волокли его по земле, обливаясь потом.

Много нам за него не дали денег, хватило на пачку папирос "Ракета" и коробок спичек. Разделив добычу поровну, отправились по домам.

На дворе стоял июнь 1938 года.

Я, по своему счастью со своей долей папирос, шагнул домой, ничего не подозревая.

До сих пор не могу себе простить, что меня не было дома, когда произошло страшное горе.

Зашел я в свой двор (мы жили в деревне) и, чтобы не попасться с папиросами, я их спрятал в кукурузе. В это время из нашего дома стали выходить какие-то незнакомые люди, за ними шел, опустив голову, мой отец. До самой смерти не забуду его потускневшего лица, которое запечатлелось мне в тот роковой миг. За отцом шел участковый милиционер (на всю жизнь запомнил его фамилию: Удовенко — от слова "удавить"). Последний вышел мама с братиком на руках и с заплаканными глазами. Отца послали в телегу, запряженную парой лошадей, по бокам сели незнакомые люди в гражданской одежде... отца увезли.

Тогда я не подозревал, что я его больше не увижу.

— Воже! Что случилось? Кто и куда его увезли? — прошептали мои губы и я побежал в дом. Там сидели два моих брата с заплаканными глазами.

— Что случилось? — с дрожью в голосе спросил я.

— Отца... Степан не договорил, слезы залили ему глаза и он не смог больше ничего сказать.

— Отца арестовали! — почти криком сказал младший брат Владык, и очень горько заплакал в голос.

Я стоял, не зная что мне делать. У меня потемнело в глазах, ноги мои стали ватными и тело мое рухнуло на пол.

Не хотелось в это верить. Много бы я отдал, чтобы это оказалось только сном. Но увя! Это был не сон.

Этого момента жизнь потеряла всякий смысл. Я и вся наша семья с этого момента сделали "врагами народа". Но самое страшное — мы остались без отца. Впереди нас ждали самые страшные, черные дни. Мы стали в один миг нищими, всеми презираемыми и всеми гонимыми. Всякий раз, когда вспоминаю об этом, тело холодеет от этого ужаса, который нам пришлось пережить.

Не могу сказать, сколько я так пролежал, очнувшись от того, что у меня отекали ноги. Руки мои лежали на старом пне, щеки, мокрые от слез, тихо ласкал ветерок.

Свидетелем этого страшного эпизода из моей жизни была эта верба, которая укрывала от палящего солнца, светлый родник с прозрачной и удивительно холодной водой...

Л. Борковский

♦♦♦

Редакционная коллегия

А. А. Боголюбов, М. И. Завдский, Л. И. Копылова, А. С. Рутыцкий